

Парфёнов Леонид

30.06.97.

Леонид Парфенов:

«Телевидение — штука столичная»

ТВ Парк - 1997 - 30 июня - с. 46-47

Родился в 1960 году. В 1982 году окончил факультет журналистики Ленинградского университета. С 1986 года — на Центральном телевидении. Автор нескольких видеофильмов. В 1990—1991 годах — автор и ведущий программы «Намедни» (АТВ), в 1992—1993 годах — цикла «Портрет на фоне» («Останкино»). С момента основания телекомпании НТВ — автор и ведущий программы «Намедни — неполитические новости за неделю». Соавтор новогодних шоу: «НТВ — Новогоднее телевидение» (НТВ, 1995 г.), «Старые песни о главном» (ОРТ, 1996 г.), «Старые песни о главном-2» (ОРТ, 1997 г.). Лауреат премии Союза журналистов, международных и отечественных телефестивалей. С мая 1997 года — Главный продюсер НТВ.

Публичная профессия

Только давайте сразу договоримся, что вы не будете задавать вопросов о моих планах в должности Главного продюсера НТВ. Говорить пока не о чем.

— Хорошо, тогда давайте поговорим о том, как люди становятся Главными продюсерами...

— По-разному. На телевидении есть Генеральный продюсер Константин Эрнст, название его кандидатской диссертации по биологии само по себе является прямо-таки произведением искусства. А есть Иван Демидов, у которого вообще нет высшего образования. И это, кстати, ни о чем не говорит, когда дело касается телевидения.

— А с чего начали вы?

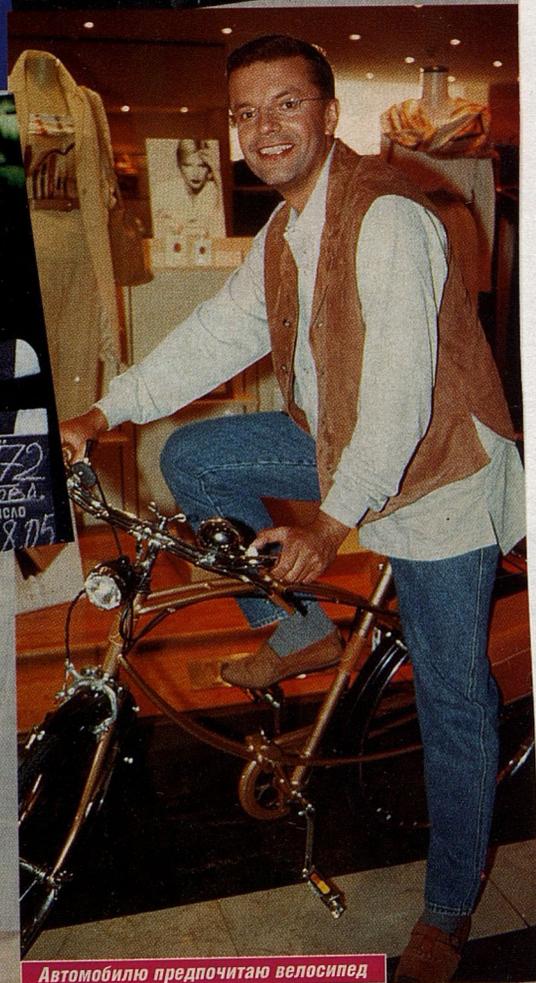
— Я пошел по самому простому пути — окончил факультет журналистики в Ленинграде. А начинал я, кстати, еще раньше. Тут недавно нашел диплом активного юнкора «Пионерской правды», датированный 1973 годом. Так что в следующем году могу отметить 25-летие творческой деятельности. Горжусь тем, что во время учебы никогда не писал статей про сбор макулатуры. Мой первый большой материал вышел под рубрикой «На соискание Государственной премии» и был посвящен фильму Сергея Соловьева «Сто дней после детства». Потом вернулся домой, в Вологодскую область, и стал работать в молодежной газете. А на телевидение мне помог попасть обком партии. Сначала была бумага «О недостатках в работе газеты «Вологодский комсомолец», а потом «О серьезных недостатках в работе газеты «Вологодский комсомолец».

— Вы были среди тех, кто способствовал появлению этих постановлений?

— В общем, да. Как мне сказали, я «вел пропаганду панков, роков, дисков, а музыка должна быть тихой и спокойной в стиле Поля Мориа».

Дубль 1

Автомобилю предпочитают велосипед

126-128

Во время обеда в таверне напротив телецентра

В Доме кино

— Действительно пропагандировали «панков и роков»?

— Действительно. Еще со времен моей учебы в Ленинграде я сохранил самое трепетное отношение к рок-клубу, который тогда был на полулегальном положении. Мы дружили с Сашей Башлачевым (легенда русского рока. — Авт.). Мне все это было очень интересно. Но из газеты пришлось уволиться и перейти на областную студию телевидения. Но и на областном телевидении мне попадало за показ группы «Магнетик бенд» и интервью с Артемом Троицким. А ведь на дворе был 1984 год.

— А в Москву, поближе к Останкинской телебашне, переехать не мечтали?

— Сказать, что я каждый день ощущал, что «гибну в этой дыре», не могу. Хотя, конечно, я всегда знал, что телевидение — штука столичная и если им заниматься всерьез, делать это надо только в Москве, даже не в Ленинграде. Тем не менее я спокойно работал четыре года на областном ТВ, делал сюжеты и набирался опыта.

— И что было потом?

— Потом был «личный» период, и это никому неинтересно.

Ну, с последним утверждением, конечно, можно поспорить, но право каждого человека, даже известного, на частную жизнь приходится уважать. Скажу только, что «личный» период состоял из женитьбы, переезда в Москву, мытарств с квартирой и работой. Но закончился он вполне благополучно, и Парфенов в конце концов оказался в «Останкино», в Молодежной редакции Центрального телевидения. На работу его принимал Эдуард Сагалаев. Это были времена разгара перестройки и взлета «Взгляда». Он делал сюжеты для популярной программы «Мир и молодежь», потом вел первые репортажи с последнего ряда» для только появившегося тогда «Пресс-клуба». В «Молодежке» познакомился со своим первым режиссером Андреем Разбашом, тогда еще видеинженером. (Парфенов делит свою телевизионную карьеру не на программы, а на режиссеров, с которыми он делал эти программы.) Некоторое время они общались довольно тесно, но впоследствии судьба их раскидала по разным компаниям. А потом пришло время программы «Портрет на фоне», благодаря которой Парфенов приобрел широкую известность. В АТВ Валдис Пельш считал, что Леонид слишком серьезен перед камерой, и настаивал, чтобы он больше улыбался. Потом были другие режиссеры, и они тоже давали советы: не сутулься, не морщи лоб, не смотри туда, повернись сюда. А он? Он, представьте себе, слушался. Почему?

— Режиссеры, операторы, вообще вся съемочная группа — это мои самые близкие люди, я ведь от них страшно завишу. Качество программы определяется и их работой, поэтому, конечно, я доверяю мнению, допустим, оператора, если он говорит, что я смотрюсь ужасно, когда морщу лоб. И понимаю, когда он ругает меня на чем свет стоит.

— А вы?

— И я ругаюсь. Но это нормальные отношения. Здесь нельзя быть трепетным художником: ах, меня не любят, ах, обо мне дурное слово сказали.

Такие на телевидении не приживаются, уходят. А уж потом начинают говорить, что все тут — «мерзость», «фабрика иллюзий», «кичуха», «дешевка». Что там еще? Ах, да, «ярмарка тщеславия». На самом деле «надо только выучиться ждать, надо быть спокойным и упрямым» — это про «ящик». Пролетал же проект «Старых песен о главном» в головах авторов, как на депозите, два года. Но ничего. Костя Эрнст стал Генеральным продюсером ОРТ, и мы все-таки осуществили задуманное.

— Будут «Старые песни о главном-3»?

— Будут, но я в проекте уже не участвую.

— А когда вы первый раз осознали, что стали известным человеком?

— Никогда. Я об этом не думаю, так как вообще не склонен к самоанализу. Хотя, нет, я могу вспомнить, как ко мне пришло общественное признание. 1991 год, наступил «период разрушения хозяйственных связей». Я стоял в очереди за сахаром, его тогда давали по талонам, и читал заранее припасенную газету. Очередь была очень длинная, ее «хвост» заканчивался на улице. Все стояли очень смиренно, пока

не доходили до порога магазина. Тут начиналось бог знает что. И вот какая-то активная женщина добровольно взяла на себя обязанность следить за порядком. Вдруг слышу, она говорит: «Нет, женщина, вы не тут стояли. Сначала вон тот мужчина, потом дама в синей шапке, потом «Намедни», а потом уж вы».

— Леонид, можно задать вам дурацкий вопрос?

— О моей одежде будете спрашивать? У меня такое впечатление, что я работаю в галантерейной лавке и постоянно даю советы, как надо одеваться и каким одеколоном пользоваться.

— Вообще-то, я хотела задать другой вопрос. Легко ли вам живется сейчас?

— Ну и как я должен на него ответить? Если скажу: «Да, легко!», подумают: «Ну, еще бы!». А если скажу, что не так уж легко, приговор будет таким: «Ну, конечно, это у него-то тяжелая жизнь, выискался тут самый несчастный!». И в том, и в другом случае я буду выглядеть пижоном.

— А вы не пижон?

— Да, конечно, пижон. Мы все тут пижоны. Кто же еще выберет такую публичную профессию?

Инга Угольникова

Привык держать руку на пульсе

